

Художник Е. Станикова

Первая заповедь дуэлянта

Евгений Цепенюк

ФАНТАСТИКА

Благородный сделал глубокий выпад и замер, предлагая присутствующим оценить изящество позы и то, как солнечное золото разлилось по глади клинка, ну и конечно, ничтожность расстояния между кончиком шпаги и поверхностью туго надутого пузыря. Три мгновения спустя его нога, выставленная слишком далеко, неловко подвернулась. Благородный пошатнулся, картинно раскинул руки, открывая грудь, а затем рухнул ничком. Белый песок арены набух темно-бордовым.

Один из новичков зааплодировал, второй благоразумно предпочел дожидаться реакции Наставника. Тот не заставил себя ждать:

— Превосходный пример. Блестящий, я бы сказал, образец. Эталон! Того, как не следует завершать дуэль... Ну-ка, — обратился он к осторожному новичку, — напомним старшим товарищам, какова третья заповедь дуэлянта?

— Не дай себя убить по-настоящему! — отчеканил тот.

Наставник недовольно поморщился:

— Это вторая заповедь. А третья такова: дай себя убить по-настоящему. Ясно? Всем, спрашиваю, ясно?

Студенты, а пуще всех Благородный, согласно закивали: чего ж тут, дескать, неясного.

— А тебе, Благородный, между прочим, полагается лежать замертво, пока зрители не разойдутся.

Благородный вновь покорно повалился на окровавленный песок.

— Ну ладно, — смягчился Наставник, — страстность, по крайней мере, впечатляет. Скажем, для премьеры сойдет. Так... Свадьба, напоминаю, завтра, дуэль в полдень, торжественное построение в девять ноль-ноль. У Благородного сегодня в шесть еще генеральная репетиция с женихом, остальное время — личное. Все свободны!

Этнограф деликатно дождался, пока Благородный примет душ и переоденется, и лишь затем пристал с расспросами:

— Прошу прощения, но это очень важно. Дело в том, что я, конечно, не специалист в области лингвистики, но у меня сложилось отчетливое впечатление, что на здешнем диалекте общего языка одни и те же слова могут принимать различное, а порой даже прямо противоположное значение в зависимости от контекста.

Этнограф Максим Петров вообще-то был парнем приятным в общении и даже простым. Это когда он был просто парнем. Но когда ученый сосредоточивался на своей миссии, его лицо стягивала тугая маска преувеличенной вежливости, а с языка слетали конструкции

наподобие вышеприведенной. К счастью, подолгу пребывать в таком состоянии он еще не научился.

— Вот, например, словосочетание «по-настоящему».

— В смысле? — Благородный взглянул на часы. Разумеется, не демонстративно. И не украдкой, потому что уже успел убедиться: от пристального внимания исследователя ничего не ускользает. Так неловко получилось в самом начале, когда этнограф в присутствии Наставника спросил: «Вы сейчас посмотрели на часы, чтобы вежливо дать мне понять, что пора заканчивать разговор?» С этой своей вечной извиняющейся улыбкой... Впрочем, времени оставалось предостаточно. — По-настоящему — значит «на самом деле», «взаправду». А у вас не так?

— Ну да, конечно, ровно тот же самый смысл вкладывают в это слово и на моей родной планете. Но ведь тогда получается, что третья заповедь дуэлянта противоречит второй!

— С чего бы это? Во второй заповеди говорится — «по-настоящему». А в третьей — «по-настоящему».

— Я, кажется, понял! — обрадовался Максим. — Для моего, пока еще непривычного уха эти слова звучат как омонимы, а для вашего — совершенно по-разному. Ну так объясни мне, пожалуйста, что значит «не дай себя убить по-настоящему»?

— Да то и значит, что после того, как тебя убьют и все зрители разойдутся, ты должен подняться на ноги живым и здоровым.

— А «дай себя убить по-настоящему»?

— Это значит, что никто из зрителей не должен знать, что ты на самом деле поддаешься противнику.

— А мне казалось, об этом все знают.

— А я разве сказал «не знают»? Знают, конечно, но не должны знать. Понимаешь, противник — он же клиент, это его праздник, а не мой, и он, а вовсе не я должен быть настоящим героем, победителем.

— Быть героем — значит выглядеть как герой? Извини, что перебиваю.

— Ничего страшного. Ну да, «быть» — значит «выглядеть». А Наставник упомянул третью заповедь потому, что я потянул одеяло на себя. Ну, то есть перестарался, стремясь выглядеть как можно более ярко, эффективно. Привлекал слишком много внимания к своей персоне, вместо того чтобы оттенять и подчеркивать игру противника. Как если бы художник написал очень красивую картину для столовой, такую, которая притягивала бы к себе взгляды гостей и тем самым мешала бы им наслаждаться искусством кулинара. Понимаешь? И в итоге получилось, что это я проигрываю, поскольку

допускаю оплошность, а не противник выигрывает, потому что он объективно сильнее. То есть — не по-настоящему.

В свое время существовало не менее десятка теорий, объяснявших эффект Судакова — Клемешева. С помощью одной из них даже удалось предсказать некоторые весьма интересные явления, наблюдаемые при межзвездных перелетах. Но, к сожалению, ни одна теория не позволила предугадать, что в один прекрасный день эффект вдруг возьмет да исчезнет и сотни колонизированных людьми планет окажутся полностью отрезанными друг от друга и от Земли.

Разумеется, не везде и не все восприняли изоляцию как трагедию. Например, некоторые губернаторы колоний, внезапно обнаружившие свое кресло на самой что ни на есть вершине иерархической лестницы. Среди тех, кто не преминул воспользоваться ситуацией в меру своих амбиций, Верховнейший Правитель Новой Весны не был ни амбициознейшим, ни жесточайшим, ни даже безумнейшим. Увы, но населению планеты сравнить было не с чем.

Установив абсолютную власть и приняв всевозможные меры для обеспечения своей безопасности, Правитель вскоре заскучал. Планета ему досталась благодатная, народ — смирный, соседей не было и не предвиделось. Улучшение качества жизни подданных Правитель полагал делом рук самих подданных. Ну вот разве что улучшение самих подданных! Эта задачка оказалась ему достаточно занимательной.

К поставленной цели вели два пути, и Правитель выбрал оба. Во-первых, он искусственно вернул в общество естественный отбор. Например, претендентам на каждую мало-мальски хлебную должность отныне предстоял суровый экзамен, включавший сочинение на вольную тему, конкурс красоты и бой без правил.

Аналогичным реформам подверглись практически все общественные институты сверху донизу: так, поскольку семья — основа государства, то всякому, кто собирался вступить в брак, полагалось прежде того доказать свою пригодность к производству здорового потомства. Ни один мужчина не мог жениться, не сразившись за право обладать избранницей как минимум с одним соперником, причем желательно насмерть; и ни одна женщина не могла выйти замуж, если не находилось хотя бы двух желающих рискнуть жизнью ради ее руки и сердца.

Во-вторых, Правитель приказал построить целый научный комплекс, полностью автономный. В этом черном-пречерном небоскребе без окон и с единственной дверью, прозванном в народе «Башней мага», он собрал и запер всех ученых планеты. А вскоре и сам заперся вместе с ними, чтобы лично контролировать и направлять эксперименты по улучшению человека. И строго-настрого приказал по пустякам себя не беспокоить.

Ну так его и не побеспокоили ни разу. Более того, и оставленные Правителем заместители, и их преемники, и их подчиненные, и весь народ — словом, все население Новой Весны больше всего на свете боялось каким-либо образом привлечь внимание Того, Кто Заперт в Башне.

Предоставленные сами себе люди, исходя из вполне

прагматичных соображений, повели себя словно персонажи волшебной сказки, которые опасались неосторожным словом либо поступком потревожить дремлющее в древней гробнице Зло. Более того, со временем стремление во что бы то ни стало сохранить видимость стабильности, неизменного и неукоснительного исполнения законов превратилось в основу местной культуры и менталитета — в главный принцип цивилизации.

Сами законы при этом подверглись постепенному, но кардинальному переосмыслению — оставаясь, разумеется, неизменными по форме. Парадоксально, но факт: спустя триста лет, когда физикам удалось-таки обуздать заартачившийся эффект, миссия Союза Планет обнаружила на Новой Весне общество, представляющее собой, по сути, полную противоположность задуманной Правителем утопии.

Среди наиболее ярких и показательных примеров такой трансформации особое место занимает институт профессиональных дуэлянтов. Без разыгрываемых ими поединков не может состояться ни одна свадебная церемония. И дело не только в том, что это — яркое, динамичное, поистине незабываемое зрелище (по случаю бракосочетания важных особ устраиваются настоящие турниры, которые собирают сотни восторженных зрителей). Несмотря на то что каждая дуэль представляет собой, по сути, тщательно срежиссированный спектакль, совершенно безопасный для всех участников, а роль победителя жестко закреплена за заказчиком-женихом, символической борьбе за счастье придается особое, я бы даже сказал, почти мистическое значение.

Что до Правителя, то он на связь ни разу не выходил, причем по собственной инициативе, и никто не выходил из Башни и не входил в нее на протяжении всего периода изоляции. Так что достигли ли ее обитатели результатов, и если достигли, то ожидаемых ими или нет, все это время оставалось неизвестным. Разумеется, ко всеобщему удовлетворению. Ну а новая власть первым делом объявила все, что связано с Башней, государственной тайной. На окончательно сформировавшемся к тому времени местном диалекте это звучало так: никакой Башни никогда не было...

Вот примерно таким образом (разве что куда более обстоятельно и в еще более тяжеловесных выражениях) молодой, но подающий надежды этнограф Максим Петров собирался начать свою книгу об уникальной и в чем-то даже парадоксальной культуре планеты Новая Весна.

— Скажи, Максей...

— Максим.

— Прости, пожалуйста. Мне трудно запомнить имя, которое ничего не значит.

— Ну почему же? Оно значит «величайший».

— На твоём родном языке?

— Нет, на латыни. Это мертвый язык, на нём уже давно не разговаривают. Но некоторые слова живут в других языках. Например, имена собственные.

— В таком случае можно я буду называть тебя просто Величайшим?

— Знаешь, для меня это звучит как-то нескромно.

— А что тут нескромного? Со мной в одном классе училось двое Величайших. Один теперь большой началь-

ник, другой — продавец в круглосуточном магазине.

— Ну ладно, если тебе так удобнее... Так о чем ты намеревался спросить?

— Да мне вот любопытно: а на других планетах как люди женятся? Неужели просто официально регистрируются, и все?

— Ну, везде по-разному. Кое-где вообще не принято регистрировать отношения. А вот, например, у нас принято нанимать человека, который весь торжественный день всячески издевается над новобрачными и подвергает их различным унижительным испытаниям. Однако такого оригинального обычая, как у вас, нет нигде. Ну, по крайней мере, насколько мне известно.

— А по-моему, мы занимаемся, в сущности, ровно тем же самым: подвергаем жениха испытанию, которое он с честью выдерживает.

— В чем-то ты прав: определенное сходство и в самом деле наличествует. Но есть и принципиальная разница. Например, наши испытания заранее не репетируются.

— В самом деле? — В Благородном проснулся профессиональный интерес. — А как же тогда к ним готовят новобрачных?

— Да никак, — пожал плечами Максим. — Организатор, разумеется, планирует свои выходы заранее, а жених с невестой импровизируют на ходу.

— Тогда, наверное, это совсем простенькие испытания, которые любой заведомо пройдет? Но так ведь совсем не интересно!

— Нет, нормальные испытания. Порой так даже и вовсе невыполнимые, — с легкой обидой за свою родину ответил Максим.

— Но... — Благородный осекся, потер переносицу указательным пальцем, пожевал губами и наконец продолжил с усилием: — В этом есть что-то очень неправильное. Я это чувствую, только не могу понять, что именно. Я даже не знаю, как об этом спросить.

Максим никогда не отличался проницательностью. Настойчивостью — да, вниманием к деталям — сколько угодно. А вот попытаться поймать мысль собеседника на лету, этот метод он отвергал как ненаучный. И ничего удивительного в том, что, стараясь помочь Благородному, с первого раза он с подсказкой не угадал.

— Тебя интересует, почему новобрачные все это терпят? Ну, просто таков обычай. И кроме того, считается, что из-за этого жених с невестой запомнят свой праздник на всю оставшуюся жизнь.

— Да это-то естественно! — отмахнулся Благородный. — Понимаешь, я не понимаю... Если вдруг... Ведь тогда может получиться так, что... Ну, выходит, можно ведь предположить, что они, наверно... И что тогда будет?

— Что будет, если они — что? Откажутся? Нет?.. Не справятся с испытаниями? — Тут Благородный быстро закивал. — Да ничего не будет! Посмеются и продолжат церемонию. Это же не по-настоящему, понимаешь?

— Не понимаю, — медленно проговорил Благородный. — Но кажется, начинаю понимать.

— Ну и замечательно. Никогда не был силен в объяснениях, моя стихия — вопросы... Кстати, я тоже давно хотел кое о чем спросить. А что, если во время дуэли произойдет несчастный случай? Ведь может же дуэлянт, например, оступиться или неправильно рассчи-

ФАНТАСТИКА

тать удар, а тем более клиент. Да?

Благородный снова взглянул на часы. И сознательно уклонился от ответа:

— Слушай, а мне уже пора на генеральную репетицию! Поприсутствуешь?

— Разумеется.

Генеральная репетиция затянулась намного дольше намеченного. Благородный загонял клиента до седьмого пота, снова и снова прорабатывая финал. Клиент, пухленький увалень по имени Невредимый, пыхтел и задыхался, но безропотно выполнял указания — и все же никак не мог продемонстрировать приемлемый результат, хотя, на дилетантский взгляд Максима, стремительная последовательность финтов, уклонений, батманов и выпадов выглядела безукоризненно.

Благородный двигался с отточенной, грозной грацией; он то грубо наседавал, обрушивая сокрушительные удары, то коварно рассыпал обманные движения. Казалось, он не оставляет ушедшему в глухую оборону Невредимому ни единого шанса на контратаку — словно человек вступил в безнадежную схватку с безжалостным киборгом. Но в какой-то момент, запутавшись в собственных стальных тенетах, машина смерти вдруг давала сбой, открывалась на одно-единственное мгновение, почти неуловимое, но достаточное для чуда, и тогда человек успевал нанести единственный, однако решающий удар.

И в пятый, и в десятый раз наблюдая, как поверженный противник падает к ногам победителя, Максим был не в силах сдержать вздох облегчения.

А Благородный все не унимался. Поначалу этнограф честно прислушивался к его инструкциям, но, когда количество чисто технической информации, требующей дополнительных пояснений, начало зашкаливать, он сдался и позволил себе заскучать. И в итоге пропустил начало фразы, содержащей, судя по физиономии Невредимого, нечто весьма интересное.

— ...Потому что, — продолжал Благородный, — на самом деле ты — не клиент и не партнер, а главный и единственный герой! Который должен бороться, а не выжидать и только пользоваться возможностью. Это не я тяну на себя одеяло, это ты ждешь, что я тебя закутаю и подоткну уголки. Да, конечно, я так и делаю. Я обязательно так и сделаю. Мы оба знаем, как и чем закончится дуэль. Но это — по-настоящему! А по-настоящему ты не должен этого знать. Понимаешь?

— Понимаю, — покорно кивнул Невредимый, хотя на его лице явственно читалось недоумение.

— Ничего ты не понимаешь! Я сам только начинаю понимать, как все запутано. Просто поверь, что ты не

должен мне доверять. Почему ты мне доверяешь настолько, что даже не пытаешься сделать хоть что-то не по моему сценарию? Почему ты уверен, что я поддамся? Почему не боишься, что я тебя убью? А что, если я хочу убить тебя по-настоящему? — Благородный постепенно повышал голос и почти уже сорвался на крик. — Думаешь, этого не может быть? А почему? Потому что так не бывает? Представь себе, бывает. Только у нас не бывало еще никогда. Но ты не задумывался, что все когда-нибудь случается впервые? Как первый друг, первая любовь и... первое предательство. Не задумывался, конечно. И о том, почему тебе, сыну непоследних людей, поставили в пару не опытного мастера, а меня, выпускника, — тоже не задумывался? — Тут голос Благородного опять сорвался, но не вверх, на крик, а словно куда-то в глухую яму, полную ненависти. Максим еще ни разу не слышал подобных интонаций на Новой Весне. — А ведь в этом, представь себе, есть смысл. Такой, что завтра тебе придется повторить то, что ты уже проделал однажды. Только теперь — на глазах у всех. Ты ведь меня уже один раз убил, поразил в самое сердце. Я умер, когда узнал, что Победа выходит за тебя. Умер, но остался жить.

— Благ, ты чего? — тихо и с искренним сочувствием спросил Невредимый. — Перетрудился, да? Ну ты меня прости, конечно, что я такой паршивый ученик. Но это же не твоя вина, поэтому не переживай так, ладно? И вообще, все будет хорошо. Как всегда. Ага?

Максим облегченно вздохнул, когда Благородный привычно улыбнулся и ответил:

— Конечно, Неврик, все будет как всегда. И вообще ты на самом деле молодец. Но только давай-ка мы еще пару раз прогоним финал... для верности.

— Я, конечно, извиняюсь, если мой вопрос затрагивает слишком личную тему, но правильно ли я понял, что Невредимый отбил у тебя любимую девушку?

— Почти правильно. Только он ее не отбил. Не такая она, чтобы ее можно было взять и отбить. Да и он не такой... В общем, на самом деле Победа сама его выбрала.

— Вы были друзьями?

— Мы и сейчас друзья. Лучшие друзья. С детства. Просто редко общаемся в последнее время. И знаешь, он очень хороший друг. И всегда таким был. Когда в детстве воровали яблоки, он частенько попадался. Ну, сам понимаешь, с его-то комплекцией. И он ни разу не признавался, не выдавал соучастников. И потом: однажды мы с ним пошли в поход в сопки, и я подвернул ногу. Так он почти до самого дома тащил меня на себе. И еще много таких случаев я могу вспомнить... — Благородный замялся, но не более чем на пару мгновений. — Да, я много чего могу вспомнить, если понадобится. Ну а Победа, она просто лучшая девушка в мире. В общем, я их обоих очень люблю и желаю им счастья. По-настоящему. Просто, наверное, немного завидую, но это нормально... И еще я немного в смятении. Понимаешь, как будто я всю жизнь прожил в долине, а с тех пор как меня к тебе приставили, словно бы начал взбираться по крутому склону. Каждый раз, когда ты рассказываешь что-то о других планетах, я поднимаюсь еще на несколько метров. А когда я отвечаю на твои вопросы, то словно

оборачиваюсь назад и смотрю на свой родной город с высоты. Смотрю и вижу его совсем не таким, как привык видеть. Ты спрашиваешь о вещах, которые всегда казались мне естественными и единственно правильными, и я чувствую, что ты искренне пытаешься их понять. Но если их нужно объяснять и понимать, то, значит, не такие уж они естественные, верно? И вслед за тобой я все чаще задумываюсь: и в самом деле, почему у нас все именно так, а не как-нибудь по-другому? Может, не так уж у нас все и правильно?

Максим напустил на себя очень серьезный вид, откашлялся и внес небольшую корректировку:

— Не «вслед за мной». Я ведь ученый. А значит, имею права оценивать наблюдаемые явления в категориях «правильно — неправильно».

— Ну да, извини, я сам виноват, — покорно кивнул Благородный, и Максим снова закашлялся, на сей раз поперхнувшись заготовленным заранее ответом на «почему?». Он вдруг почувствовал себя неловко — настолько, что захотел сменить тему:

— Значит, мальчишками вы воровали яблоки? Интересно: меня уверяли, что на Новой Весне совершенно отсутствует преступность, в том числе подростковая.

— Преступности у нас нет. А что, разве у вас мальчишки не лезят по чужим садам?

— Только там, где есть сады! — рассмеялся Максим. — Но хулиганят — везде. Например, бьют стекла или пишат на стенах. На то они и мальчишки.

— Разумеется, мальчишки должны вести себя по-мальчишески. Так вот. В двух-трех кварталах от каждой школы есть фруктовый сад. В начале каждого учебного года родители вносят определенную сумму и потом могут не беспокоиться, что плоды вдруг окажутся случайно опрысканы химикатами или что их ребенок свалится и свернет шею, перелезая через слишком высокий забор. И стены для граффити у нас тоже есть. А вот насчет стекол я не в курсе. Кажется, пробовали в порядке эксперимента, но пришли к выводу, что это слишком опасно.

— Значит, садовник знает, кто именно таскает яблоки?

— Конечно, у него есть список.

— Тогда зачем допрашивают тех, кто попался?

— Чтобы те не выдали своих товарищей, Величайший. Для чего же еще?

Утро выдалось прохладным и ясным. Каждая пуговица сияла и переливалась, словно драгоценный камень; и каждый драгоценный камень сиял и переливался, словно капля росы; и каждая капля росы сияла так, как способна сиять только роса на листьях травы, пробивающейся в щели меж камнями мостовой ясным и прохладным утром в самом начале лета. Дуэлянты в парадных мундирах застыли строем во внутреннем дворе Академии, и у каждого на лице застыло выражение напряженного внимания.

Этнограф пристроился чуть поодаль от Благородного, занявшего почетное место на правом фланге. Максим ожидал, что Наставник скажет речь, но тот пока что лишь молча скользил взглядом по лицам курсантов, порой задерживая внимание то на одной, то на другой из дюжины пар преданных глаз, улыбался по-отечески или даже зазорно подмигивал, а то и сурово хмурился.

Так, в полной тишине, прошло минут пять. Наконец Наставник кивнул Благородному — точнее, склонил голову на столь малую долю градуса, что Максим не решился однозначно интерпретировать это движение как одобрительное, и заговорил:

— Я всегда начинаю речь с минуты молчания, а продолжаю объяснением, почему я так поступаю. А поступаю я так потому, что в тишине умеющий слушать услышит самое главное. А неумеющий — услышит в словах. А если кто-то все равно не услышит — что ж, значит ему не место среди нас.

Я сказал «услышит главное в тишине», но на самом деле тишина — это и есть то самое главное. То, ради чего существуют законы и традиции. Во имя чего я изматываю вас тренировками, извожу придирами, испытываю наказаниями — чтобы сделать из вас достойных хранителей и, главное, исполнителей этих самых традиций и законов.

Все вы знаете, что на Новой Весне нет ни бесполезных профессий, ни ненужных должностей. Здесь нет лишних людей, а если кто-то считает иначе — значит, ему здесь не место. И все-таки наша работа — особенная. Она даже важнее работы учителей: в школе люди узнают, что такое буквы и цифры, а мы показываем им, что такое жизнь и смерть. Не просто жизнь и смерть, а настоящая жизнь и настоящая смерть: с яростью и страстью, страданием и экстазом победы — словом, со всем тем, чему в настоящей жизни не место.

На самом деле все настоящее — вредно. Или по меньшей мере опасно: как вода из лужи, или чистый кислород, или секс без предохранения. Но люди жаждут настоящего, и они его получают в любом случае, чего бы это ни стоило. Поэтому мы даем им то, чего они жаждут: не потому, что желаем доставить им удовольствие, а потому, что иначе они придут и возьмут сами. И тогда... Я не знаю, что тогда может случиться. Но я совершенно точно знаю, что не хочу этого знать. А если кто хочет, то пусть ищет себе другое место и там узнает что угодно.

Таково наше настоящее предназначение: мы живем ради смерти и умираем ради жизни. Снова, и снова, и всегда. Пока не затупятся наши клинки — никто не угрожает миру. Пока не смолкают восторженные вопли зрителей — ничто не нарушает тишину.

Максим слушал невнимательно. В голове пронеслись тяжеленные мысли, которые упорно отказывались принять не то что привычный, а хоть какой-нибудь порядок.

Вот, например, такая картина: двое на арене, Благородный чуть-чуть промахивается — вернее, бьет чуть точнее, чем нужно... В общем, достаточно ведь самую малость ошибиться. Даже если он сам и не помышляет о мести... ну конечно, он ведь и слова такого небось не знает, а если даже и знает, то подразумевает под ним... что? Да, что, кстати? Возможно, заявление в суд. Нет, это некстати! Не важно, что он подразумевает: когда разум в смятении, подсознание запросто может подвести. И направить руку помимо воли. И вот — Невредимый, эта кукла с разрядившимся аккумулятором, валится навзничь.

Или другая картина: Благородный чуть-чуть подается вперед, навстречу шпаге Невредимого, и вот дев-

ФАНТАСТИКА

ственно-белый (здесь принято говорить «белый, как девственность», но это сейчас не важно) песок набухает багрянцем, и зрители на трибунах... И что зрители? Они взрываются овацией, подростки свистят в два пальца, отцы семейств похлопывают друг друга по плечу, старики чинно аплодируют, девушки растроганно смахивают слезу... Слава победителю!

И даже если падает Невредимый — все равно. Никто ведь поначалу не понимает, что произошло. А когда понимает, то не сразу верит. А может, они вообще не верят. Или даже так: понимают и верят, но делают вид, будто не поверили. Нет, не так: будто и не во что верить, поскольку ничего особенного и не случилось. Все продолжают церемонию как ни в чем не бывало. Или не продолжают, будто бы она и не начиналась. Будто бы вообще ничего не случилось, совсем ничего, никогда. Ни с кем.

Нет, конечно, никого не казнят: ведь некого же. Но могут ведь устранить... Да нет, наверняка такие дела здесь устраивают по-своему: к примеру, дают убийце новое имя... Кстати, ни разу не слышал, чтобы к Наставнику хоть раз обращались по имени. Хотя, наверное, это ни при чем. Но что-то в этом роде. Потому что в противном случае им придется... Нет, не так. Потому что никакого противного случая быть не может.

Но в любом случае он, Максим Петров, обязан что-то сделать, потому что он, пришелец, чужак, наблюдатель, — он, наверное, единственный, кто может сейчас что-то сделать — сейчас, пока еще можно... но что и, главное, как? Как объяснить, обосновать ЭТО — то, что, в сущности, не более чем сомнение? И кому — если на всей планете есть всего-то два человека, больных сомнениями: он сам и Благородный? Но у Максима-то иммунитет, он к этой заразе с детства привычен...

— Господи, что я наделал?!

Благородный тоже не особенно вслушивался в слова Наставника. Просто потому, что еще на втором курсе выучил их наизусть. Он наслаждался утренней свежестью, любовался сиянием росы и ни о чем таком особенном не думал. И ни в чем не сомневался. Потому что твердо знал, что будет и, главное, как.

Все будет по-настоящему.

